

Глава III. Положение крестьян

Здесь следует выделить четыре периода.

Сначала, стремясь завоевать симпатии широких трудящихся масс и армии, правительство большевиков проводило по отношению к крестьянам политику «невмешательства».

Крестьяне, как известно читателю, задолго до Октябрьской революции начали захватывать поместья, владельцы которых бежали или были изгнаны. Правительству большевиков оставалось лишь узаконить такой порядок вещей (декретом от 25 октября 1917 года).

«Мир» армии, «земля» крестьянам, «рабочий контроль» пролетариату: таковы были требования этих [социальных] групп в мартовской революции, — констатирует П. Милюков, известный русский историк и писатель, бывший министр первого Временного правительства. — Большевики... в самой наглядной форме предлагали: возьмите все это сами — и сейчас же. Именно эти обещания, данные в такой непосредственной форме, они и принялись осуществлять после захвата власти, для ее закрепления за собой»[41]. Эти слова буржуазного лидера во многом верны, хотя он и не учитывает влияния пропаганды и деятельности революционеров. Несмотря на эту оговорку, его свидетельство представляется особенно интересным. Милюков был внимательным наблюдателем и знатоком российской жизни. Пост, который он занимал, предоставлял ему всю полноту информации. Наконец, у него не было никаких причин принижать роль большевиков, напротив... (Отметим в скобках, что это свидетельство весьма показательно не только в отношении рабочих и крестьян во время революции, но и в том, что касается войны.)

Совет всем тем, кто, намеренно или по незнанию, утверждает, будто Революцию совершили не народные массы, а большевики. Необходимо учитывать одну вещь. Октябрьская, а также февральская Революции были по сути *делом народа*, разумеется, с помощью и при поддержке революционеров всей направлен. Массы были готовы к новой Революции; они осуществляли ее каждый день повсюду на местах. Именно это означает «совершить революцию». Что касается большевиков, то они совершили акт чисто политический, захватив власть, *которая в ходе этой народной Революции неизбежно должна была пасть*. Своим политическим жестом большевики остановили подлинную Революцию и придали ей неверное направление[42].

Это подтверждает основной тезис анархистов. Действительно, они считают, что при необходимых и благоприятных условиях массы вполне способны совершить Революцию самостоятельно, с помощью революционеров и в сотрудничестве с ними. Анархисты добавляют — и это главное в их концепции, — что и после победы *Революция должна*

следовать по тому же самому пути: свободная деятельность масс при поддержке революционеров всех направлений — не допуская, чтобы какая-нибудь политическая партия, уничтожив соперников, встала у власти, навязала свою диктатуру и монополизировала Революцию.

Таким образом, вначале — это *первый период* — Ленин не трогал крестьян. Поэтому они поддерживали его, дав ему необходимое время для упрочения своей Власти и Государства. Тогда говорили даже — особенно за границей, — что крестьяне более всего выиграли в русской Революции, и что большевики, вопреки своей марксистской доктрине, будут в итоге вынуждены опереться не на рабочий класс, а на крестьянство.

Но позднее — *второй период*, — по мере того, как крепло государство, и города, где ощущалась нехватка продовольствия, обращали свои взоры к деревне, Ленин начал все больше и больше смыкать кольцо вокруг крестьян.

Если бы городских промышленных рабочих были свои независимые и активные организации, свобода деятельности и инициативы, они, конечно, установили бы с крестьянами непосредственные и плодотворные контакты по обмену продукцией и др[43]. Можно не сомневаться, что подобные контакты между свободными производителями и потребителями города и села в итоге на деле удачно разрешили бы главную проблему Социальной Революции — проблему отношений между двумя трудящимися классами, двумя основными составляющими национальной экономики.

Но дело в том, что рабочие и их организации не имели никакой свободы деятельности и инициативы. Крестьяне тем более. Все оказалось сконцентрировано в руках государства, правительства. Только оно могло действовать, предпринимать что-либо, решать проблемы.

Естественно, что в подобных условиях все зависело от его решений.

Крестьяне, которые, получив предложения рабочих, конечно, по своей инициативе, самым естественным путем просто предоставили бы все необходимое городу, не делали ничего, поскольку правительство — для этого-то оно и существовало! — не давало никаких указаний.

В соответствии со своей ролью правительство встает между двумя классами трудящихся и разделяет их. Следовательно, оно мешает им договариваться между собой, стремится выступать в роли посредника, арбитра.

А исходящие от правительства «распоряжения» не имеют ничего общего с непосредственными отношениями между трудящимися. По самой своей природе они могут быть лишь предписаниями, командами, приказами.

И Ленин вмешался. Естественно, будучи диктатором-марксистом, он ничего не понял в сложившейся ситуации. Безразличие крестьян он понимал не как неизбежный результат применения неверного принципа управления, а как проявление их «эгоизма», «мелкобуржуазного менталитета», «враждебности по отношению к городу» и т. д.

Действовал он сурово. Рядом декретов и указов он вынудил крестьян отдавать значительную часть урожая государству[44]. За ним стояла армия и полиция. Это был период реквизиций, натурального налога, «продразверстки», короче говоря, «военный коммунизм». Вооруженным насилием у крестьян изымали то, в чем нуждалось государство.

Крестьянам запретили продавать плоды их труда. На железных и проезжих дорогах вокруг городов расставили «заградительные отряды», чтобы воспрепятствовать торговле, которую объявили «спекуляцией»[45]. За нарушения этих мер тысячи крестьян и других «граждан» были арестованы, многие расстреляны. Излишне говорить, что попадались чаще всего бедолаги, везшие в город мешок муки с единственной целью выручить за него что-то необходимое в повседневной жизни, или крестьяне, хотевшие помочь своим голодным родственникам и друзьям. *Настоящие* спекулянты легко, за небольшую мзду преодолевали «заграждения». В очередной раз действительность взяла верх над государственнической «теорией».

Вскоре такая политика привела к серьезным волнениям. Крестьяне ответили на насилие ожесточенным сопротивлением. Они прятали зерно; сокращали посевные площади так, чтобы урожая хватало лишь на удовлетворение их собственных потребностей; забивали скот, саботировали работу; здесь и там выступали против обысков и реквизиций, все чаще убивали производивших их «комиссаров».

Над городами нависла угроза голода, и никакого улучшения не предвиделось. Рабочие, страдавшие от тяжких лишений, постепенно приходили к пониманию истинных причин краха политики большевиков и пытались возродить Революцию, среди них началось брожение. Часть армии была готова поддержать их массовое движение. (Так, в марте 1921 года произошло восстание в Кронштадте, о котором пойдет речь в третьей части нашей книги.) Ситуация становилась критической.

Понимая, что его государство, то есть совокупность сил поддержки и принуждения, недостаточно прочно, чтобы любой ценой навязать свою волю стране, Ленин отступил. Тотчас же после «победы» Троцкого над Кронштадтом он провозгласил свою знаменитую «новую экономическую политику» (нэп).

Нэп являет собой *третий период* эволюции сельскохозяйственной политики.

Он был «новым» лишь по отношению к беспощадной суровости и военным мерам, которым пришел на смену. Речь шла просто о некоторой передышке. Давление слегка ослабили, чтобы накормить и умиротворить население.

«Новая политика» предоставила крестьянам некоторую свободу распоряжаться плодами своего труда, в частности, продавать излишки на рынке. Заградотряды были отменены. Мелкая торговля вздохнула свободнее. Личная собственность оказалась частично восстановлена в правах[46].

Но по ряду причин нэп не стал выходом из положения. Это была неопределенная и расплывчатая полумера. Конечно, она слегка разогнала тучи. Но одновременно вызвала колебания, неустойчивость и дезорганизацию. Она быстро привела к замешательству и

противоречиям, чреватых серьезными последствиями как для экономики, так и для жизни страны в целом.

С другой стороны, такая двусмысленная и нестабильная ситуация представляла собой явную опасность для правительства. Пойдя на уступки, оно тем самым выказало свою слабость, что возродило надежды в буржуазных кругах и придало новый импульс тем силам и элементам, чьи настроения и активность могли в ближайшем будущем угрожать режиму. Тем более что симпатии масс к большевизму после 1917 года сильно уменьшились, о чем было известно правительству. Особенное беспокойство вызывал у него рост буржуазных appetitов у части крестьянства.

Члены партии и привилегированные слои, уже возникшие в новом государстве и ставшие довольно влиятельными, испугались. В правительстве стали раздаваться голоса о необходимости покончить с нэпом и возвратиться к режиму сильного государства-хозяина.

Все эти причины поставили Сталина, сменившего умершего в 1924 году Ленина, перед выбором: либо расширить рамки нэпа, то есть, несмотря на оставшиеся в распоряжении партии «командные рычаги», открыть двери экономической и, возможно, политической реставрации частнокапиталистического режима; либо возвратиться ко всеобщему огосударствлению, тоталитарному режиму и возобновить наступление государства на крестьян.

Взвесив все, будучи уверен во всемогуществе государства, активной поддержке привилегированных слоев, а также значительной части армии, других сил принуждения и «своего аппарата», Сталин в итоге склонился ко второму решению. **Начиная с 1928 года он приступил к полному огосударствлению сельского хозяйства, названному «коллективизацией» и представляющему собой четвертый период эволюции сельского хозяйства в СССР**[47].

Прибегая к вооруженному насилию, террору, который принял невиданные ранее формы и масштабы, государство начало отнимать у сельских собственников их земельные участки, даже небольшие. Земля перешла в его полное владение.

До этого в СССР существовали:

1. «Совхозы» — *государственные сельскохозяйственные предприятия;*
2. «Колхозы» — *коллективные крестьянские хозяйства, работавшие под руководством и контролем государства;*
3. Индивидуальные земледельцы, нечто вроде государственных арендаторов, вынужденные, как и колхозы, сдавать значительную часть своей продукции государству.

«Коллективизация» уничтожила эти различия. Отныне сельское хозяйство стало делом самого государства, реально владеющего землей.

Всех крестьян силой загоняли в «колхозы». Их земельные наделы и имущество конфисковывались. Подчеркнем, что речь шла не только о более или менее зажиточных

крестьянах, но и о миллионах бедных земледельцев, которые едва добывали себе пропитание, не нанимали батраков и имели лишь самое необходимое для индивидуального труда.

С тех пор каждый крестьянин в СССР был накрепко привязан к «колхозу», как рабочий — к своему заводу. **Государство превратило его даже не в арендатора, а в крепостного и вынудило работать на нового господина. Как всякий хозяин, оно оставляет ему лишь самый необходимый прожиточный минимум (большая часть произведенного им поступает в распоряжение правительства)[48].** И как всякий хозяин, распоряжается полученным по своему усмотрению, не спрашивая у крестьян. Конечно, в СССР нет капиталистов, которые бы обогащались за счет трудящихся, зато есть другие привилегированные слои.

Теоретически государство «покупает» у «колхозов» их продукцию. Таким образом оно вознаграждает труд крестьян. Но, являясь единственным собственником и покупателем, оно платит им жалкие гроши. Это всего лишь новая форма эксплуатации крестьянских масс капиталистическим государством[49].

Чтобы понять это, достаточно отметить, что, по данным «советской» печати, в 1936 году государство получило *около 25 миллионов рублей чистой прибыли от продажи закупленной у «колхозов» продукции.* Еще один факт: в 1937 году «колхозникам» выплатили лишь половину реальной стоимости произведенных ими товаров. Остальное было удержано в качестве налогов, административных и прочих издержек.

Почти все сельское население в СССР сегодня находится *на положение крепостных.* Эта организация сельского хозяйства напоминает пресловутые аракчеевские «военные поселения» времен царя Александра I. Действительно, «советское» сельское хозяйство «механизировано», «бюрократизировано» и «военизировано».

Для достижения своих целей Сталину пришлось прибегнуть к жестоким насильственным мерам в отношении крестьян. Во многих местах село отказывалось подчиниться добровольно, возмущалось. Сталин ожидал такого оборота событий и действовал без колебаний. За малейшее сопротивление миллионы крестьян арестовывались, высылались и расстреливались. Этим занимались «части особого назначения» — нечто вроде мобильной гвардии или жандармов. Во время их «экспедиций» многие непокорные и мятежные деревни были сожжены, уничтожены артиллерией и пулеметами.

Более того — во время этих событий во многих регионах разразился голод, унесший миллионы жертв[50].

В конце концов «верх взял закон». В этом нет ничего удивительного. Нам известны и другие примеры, такие, как фашизм и гитлеризм, когда всемогущий авторитарный режим полностью подчиняет себе народные массы и навязывает им свою волю, несмотря на все препятствия и сопротивление, *поскольку полиция и армия ему повинуются.*

Кто-то скажет, что большевики не могли иначе сохранить свой режим, спасти страну от перманентного голода и других бедствий, худших, чем средство их избежать, не могли

иначе «добиться прогресса в сельском хозяйстве», «обеспечить переход к социализму».

Все верно, кроме конечных целей.

Да, государство, правительство не имеет других средств в своем распоряжении. Но это как раз неопровержимо доказывает ошибочность государственнической доктрины и безвыходность ситуации, к которой она привела. Ибо подобными методами социализм построить невозможно.

Эта система может «обеспечить» переход не «к социализму», а к *государственному капитализму*, еще более отвратительному, чем капитализм частный. Она не является «переходным» государством, как нам зачастую внушают: это просто другой способ господства и эксплуатации. Впереди у трудящихся — как и в прошлом, как и в настоящем — по-прежнему борьба с системами, основанными на господстве и эксплуатации.

Что касается «прогресса в сельском хозяйстве», мы убеждены, что подлинная прогрессивная коллективизация этой отрасли — как и всей экономики — будет осуществлена силами, не имеющими ничего общего с политической государственной диктатурой.

Мы говорили, что одно время аграрная проблема в СССР серьезно усложнилась. Крестьянские массы вели подспудную, но небезуспешную борьбу против государства-хозяина, саботировали работу «колхозов», и производительность сельского хозяйства начала катастрофически падать[51]. Тогда, чтобы стимулировать «колхозников» к труду и примирить их с системой, им разрешили, одновременно с работой в «колхозах», вести индивидуальное хозяйство, впрочем, в очень ограниченных масштабах: дозволялось иметь немного земли, скота, инвентаря. Колхозникам позволили поработать и на себя[52].

Неизбежный результат этой меры не замедлил себя проявить: борьба между крестьянами и государством завязалась вокруг «частного сектора» («вокруг коровы», как говорили в стране).

С тех пор крестьяне упорно стремятся расширить свою «собственность», свои права и возможность трудиться индивидуально в ущерб колхозам.

Государство, разумеется, противится этой тенденции. Но, с другой стороны, оно вынуждено по возможности оберегать «частный сектор», производительность в котором выше, чем в колхозах, что вносит значительный вклад в благосостояние государства.

В настоящее время эта борьба и колебания представляют собой сердцевину аграрной проблемы в СССР. Вполне возможно, страна находится накануне нового, пятого этапа развития своего сельского хозяйства.

Однако детали эти существенно не меняют общую картину, которую мы обрисовали.

